ГРНТИ 14.23.09+14.39.00+17.71.00
УДК 373.2+37.018.1+398.8
ВАК 5.8.2

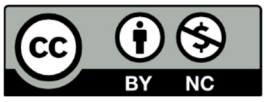
Кожевникова Виктория Витальевна ✉
кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии семьи и детства Института психологии им. Л. С. Выготского ФГАОУ ВО РГГУ
г. Москва, Россия
✉ *E-mail: viktoriyavkozhevnikova@yandex.ru*

Дощанова Вета Анатольевна
заместитель директора МКУ «Управление дошкольными образовательными организациями» Департамента образования Администрации города Сургута
г. Сургут, Россия
E-mail: doshanova.veta@yandex.ru

МАТЕРИНСКАЯ ПОЭЗИЯ КАК РЕСУРС ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ: ОПЫТ ПЕРВОГО ЭТАПА РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА В ГОРОДЕ СУРГУТЕ

Аннотация. Рассматривается материнская поэзия – колыбельная песня, пестушка, потешка, прибаутка, сказка для самых маленьких – как содержательное основание работы дошкольной образовательной организации с семьёй ребёнка раннего возраста. Показано, что передача материнского фольклора, веками совершавшаяся внутри семьи от старшего поколения к младшему, в современных условиях утратила автоматизм и нуждается в организационной поддержке со стороны системы образования. На материале проектной документации трёх дошкольных образовательных организаций города Сургута, включившихся в 2026 году в окружной проект «Материнская поэзия», описана модель «четыре уровня заботы» (эмоциональный, когнитивный, тактильный, пространственный), реконструированы организационные итоги первого этапа и предложена система показателей результативности, построенная на принципах добровольности участия семьи и недопустимости диагностической оценки ребёнка. Обозначены границы корректных утверждений о материнской поэзии и типичные риски формализации подобных проектов.

Ключевые слова: материнская поэзия, колыбельная песня, преемственность поколений, дошкольное образование, взаимодействие с семьёй, этнопедагогика, ранний возраст

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).
The content is available under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY 4.0).

Для цитирования: Кожевникова, В. В. Материнская поэзия как ресурс преемственности поколений в дошкольном образовании: опыт первого этапа реализации проекта в городе Сургуте / В. В. Кожевникова, В. А. Дошанова // Семья и школа в год единства народов России: преемственность поколений и сохранение культурных традиций : сб. трудов Международной науч.-практ. конф. (9-10.10.2026 г., Ижевск) / под общ. ред. Н. Н. Деевой. – Ижевск : Институт развития образования им. К. Д. Ушинского, 2026. – С. 19-37. https://doi.org/10.5281/zenodo.23278369

Введение. Год единства народов России ставит перед системой образования вопрос, который редко формулируется прямо: в каком возрасте и через какой материал начинается принадлежность человека к культуре собственного народа. Ответ, который даёт этнопедагогика, отличается от привычного школьного: раньше праздника, раньше урока и раньше музея, в первый год жизни ребёнка, через голос матери. Г. Н. Волков, определяя народную педагогику как совокупность накопленных и проверенных практикой знаний о воспитании, помещал материнский фольклор в самое начало воспитательного цикла и рассматривал его как первую и наиболее устойчивую форму передачи культурного опыта [3]. Материнская поэзия – колыбельная песня, пестушка, потешка, прибаутка, сказка для самых маленьких – оказывается тем каналом, по которому язык, ритм, интонация и первичные представления о добром и должном переходят от старшего поколения к младшему прежде всякого специально организованного обучения.

Особенность этого канала в том, что он никогда не был институциональным. Колыбельная не преподавалась, не издавалась в виде программы и не контролировалась: она передавалась по наблюдению и слуху и воспроизводилась автоматически, поскольку иных способов успокоить и уложить ребёнка не существовало. М. Н. Мельников, обобщая материалы собирателей, показывал, что репертуар пестования жёстко привязан к возрасту и к бытовым действиям ухода и

потому усваивался не как искусство, а как часть повседневного обихода [11]. Бытовая укоренённость обеспечивала передаче надёжность – и она же сделала её уязвимой, когда уклад изменился. Изменение фиксируется эмпирически: С. О. Куприянова, исследуя практику убаюкивания в современной городской семье, показала, что традиционный колыбельный репертуар вытесняется индивидуальными импровизациями, эстрадными и авторскими песнями, а также техническими средствами воспроизведения звука, причём часть родителей испытывает затруднение уже на уровне репертуара: спеть ребёнку они готовы, но не знают, что именно петь [9]. Разрыв проходит, таким образом, не по линии желания, а по линии умения и знания – то есть ровно там, где помощь образовательной организации возможна и уместна.

Второе обстоятельство – многонациональный состав городов Севера. В Сургуте, как и в других городах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, живут семьи десятков национальностей, и колыбельная в такой среде оказывается наиболее ранним и наиболее бесконфликтным предъявлением культурного различия: ребёнок слышит песню своей семьи, а в детском саду обнаруживает, что песни поют и в других семьях, на других языках, и что все они устроены сходно – тихо, ласково, ритмично. Т. Г. Басангова, описывая жанровую систему детского фольклора калмыков, отмечает, что колыбельная открывает эту систему и несёт воспитательную функцию, общую для народов при всём различии текстов [2]. Отсюда возможность показать единство не через декларацию, а через материал.

Научная разработанность темы неоднородна. Фольклористическая традиция изучения материнского фольклора в России насчитывает более полутора столетий: собрания П. В. Шейна и П. А. Бессонова, свод О. И. Капицы, обобщающие работы В. П. Аникина и М. Н. Мельникова, монографическое исследование колыбельной песни В. В. Головина описали жанровый состав, поэтику, функции и региональные варианты [1; 5; 7; 11]. Психологическое основание практики также разработано: положения Л. С. Выготского о социальной ситуации развития и зоне ближайшего развития, теория амплификации развития А. В. Запорожца, периодизация Д. Б. Эльконина, концепция общения М. И. Лисиной описывают младенчество и ранний возраст как период, в котором ведущей является непосредственно-эмоциональное общение ребёнка со

взрослым, а взрослый выступает носителем культурных средств [4; 6; 10; 17]. Методика речевого развития дошкольников, разработанная О. С. Ушаковой, вводит малые фольклорные формы в работу с детьми как материал, соединяющий образец правильной речи с эмоциональной привлекательностью [16].

Существенный корпус данных накоплен зарубежными исследованиями материнского пения и обращённой к младенцу речи. А. Фернальд показала, что мелодико-интонационный контур речи, обращённой к младенцу, сам по себе несёт коммуникативное значение, различимое ребёнком до понимания слов [20]. Л. Дж. Трейнор установила, что младенцы предпочитают исполнение, адресованное непосредственно им, исполнению того же материала вне обращения [23]. С. Э. Трехаб описала раннюю музыкальность как устойчивую характеристику человеческого развития [24], а Т. Р. Бергесон и С. Э. Трехаб показали, что матери воспроизводят песни для ребёнка с необычно стабильными высотой и темпом, то есть исполнение приобретает признаки ритуала [18]. Л. К. Чирелли и С. Э. Трехаб продемонстрировали, что знакомая песня снижает дистресс младенца [19]. Г. Персико с соавторами в когортном исследовании связали регулярное исполнение колыбельных матерью с характеристиками материнско-детской привязанности и поведения новорождённого [22]. С. А. Мер с соавторами на межкультурном материале показали, что песни, сопровождающие уход за ребёнком, обладают узнаваемыми общими признаками в культурах, не связанных между собой [21]. Совокупность этих работ позволяет утверждать, что материнское пение – не локальная этнографическая частность, а универсальная форма взаимодействия взрослого и ребёнка.

Вместе с тем между двумя корпусами знания – фольклористическим и психологическим – и практикой муниципальной системы дошкольного образования сохраняется разрыв. Материнская поэзия описана как жанр и как предмет исследования, но не описана как объект управления: не определено, что именно делает образовательная организация, если решает поддерживать эту практику в семьях; какие формы работы пригодны; что считать результатом и как его учитывать, не превращая просветительскую работу в обследование семьи. Публикации о применении фольклора

в дошкольном образовании эту задачу не решают, поскольку описывают работу с детьми в группе, а не работу с семьёй по поводу домашнего уклада.

Настоящая статья восполняет этот пробел на конкретном материале. В 2026 году Уполномоченным по правам ребёнка в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре инициирован проект «Материнская поэзия» [15]; Департамент образования Администрации города Сургута выступил партнёром проекта и организатором муниципального уровня, а три дошкольные образовательные организации города разработали и начали реализацию собственных проектов [12; 13; 14]. Цель статьи – описать организационно-педагогическую конструкцию, сложившуюся по итогам первого этапа, и предложить систему учёта результатов, пригодную для тиражирования. Задачи: обосновать возрастной адрес практики и границы корректных утверждений о ней; изложить модель «четыре уровня заботы» как содержательное ядро проектов; реконструировать итоги первого этапа по проектной документации; сформулировать систему показателей результативности и ограничения её применения.

Методы исследования. Исследование носит качественный характер и построено на анализе документов. Эмпирическую базу составили: паспорт окружного проекта «Материнская поэзия» и рекомендации по подготовке и проведению его мероприятий [15]; паспорта проектов и планы мероприятий трёх дошкольных образовательных организаций города Сургута – МБДОУ детского сада № 31 «Снегирёк» (проект «Материнская поэзия. Лирика материнства»), МБДОУ детского сада № 45 «Волчок» (проект «Материнская поэзия. Колыбельная моей мамы») и МБДОУ детского сада № 40 «Снегурочка» (проект «Материнская поэзия. От сердца к сердцу») [12; 13; 14]; материалы методического обобщения муниципального опыта [8].

Применены четыре процедуры.

Первая – структурный анализ проектной документации по единой матрице признаков: цель и задачи проекта, целевая группа и её возрастные границы, состав партнёров, перечень форм работы, перечень создаваемых продуктов, заявленные ожидаемые результаты, предусмотренные целевые значения. Матрица позволила сопоставить три самостоятельно разработанных проекта по одним параметрам и выделить общее и особенное.

Вторая – категоризация содержания. Выявленные формы работы и продукты соотнесены с четырьмя выделенными уровнями воздействия материнской поэзии на отношения взрослого и ребёнка (эмоциональный, когнитивный, тактильный, пространственный); соотнесение выполнено независимо по каждому проекту, что позволило установить, какой уровень является для организации ведущим и какие уровни проработаны слабее.

Третья – соотнесение практики с научными основаниями: положения отечественной психологии развития и методики речевого развития, а также результаты зарубежных исследований материнского пения использованы как рамка проверки корректности формулировок, которыми организации описывают ожидаемые результаты.

Четвёртая – проектирование системы показателей: на основе выявленных продуктов и форм разработан перечень измеримых величин с указанием единиц измерения, источников данных и периодичности учёта, а также ограничений, вытекающих из добровольности участия семьи.

Ограничения исследования оговариваются прямо. Первое и главное: фактические отчётные данные за 2026 год на момент подготовки статьи не обобщены. Сведения о числе охваченных семей, проведённых мероприятий, изготовленных и переданных продуктов, собранных семейных записей не приводятся, поскольку их приведение в качестве достигнутого результата было бы недостоверным; целевые значения, встречающиеся ниже, взяты из паспортов проектов и обозначены как плановые с указанием установившей их организации. Второе: исследование не включает опроса семей и наблюдения за домашним укладом, поэтому суждения о закреплении практики в семьях не делаются. Третье: выводы относятся к организационно-педагогической конструкции проекта, а не к развитию детей; вопрос о влиянии проекта на развитие воспитанников в настоящей работе не ставится и не может быть решён её средствами.

Результаты исследования. Возрастной адрес практики и границы корректных утверждений. Первый результат носит методологический характер. Анализ проектной документации показал, что описание ожидаемых результатов – наиболее уязвимое место подобных проектов: формулировки легко смещаются в

сторону преувеличения, приписывающего колыбельной песне лечебные или психотерапевтические свойства. Утверждение, которое можно оспорить как преувеличение, разрушает позицию организации в экспертном обсуждении и обесценивает работу целиком.

Корректная рамка задаётся возрастным адресом практики. Согласно периодизации Д. Б. Эльконина, ведущей деятельностью младенчества является непосредственно-эмоциональное общение со взрослым, а раннего возраста – предметно-манипулятивная деятельность, осваиваемая совместно со взрослым, причём новая ведущая деятельность не отменяет предыдущую, а надстраивается над ней [17]. М. И. Лисина показала, что общение ребёнка первого года со взрослым – самостоятельная деятельность со своим предметом и средствами, а не фон иных деятельностей, и что его полнота определяет характер последующего развития [10]. Колыбельная и пестушка попадают ровно в эту деятельность: обращённость к ребёнку по имени, ласковый интонационный строй, ритмическое покачивание, паузы для отклика – средства ситуативно-личностного общения, закреплённые в жанре. Теория амплификации А. В. Запорожца добавляет существенный аргумент: задача взрослого состоит не в ускорении перехода ребёнка на следующую возрастную ступень, а в обогащении той, на которой он находится, специфически детскими видами деятельности [6]; колыбельная и потешка – не более простая, а более соответствующая возрасту форма работы взрослого с ребёнком.

Отсюда формулировка, принятая в качестве рабочей: материнская поэзия создаёт условия для общения матери и ребёнка, способствует становлению речи и чувства ритма, в отечественной психологии связывается с ведущей деятельностью раннего возраста, в народной педагогике рассматривалась как первая ступень воспитания. Медицинских, лечебных и психотерапевтических свойств ей не приписывается; она не заменяет медицинскую или психологическую помощь и не сопровождается обещаниями измеримых изменений в развитии ребёнка. Эта граница была применена при анализе всех трёх паспортов: заявленные в них ожидаемые результаты, относящиеся к речи и здоровью детей, изложены в настоящей работе как ожидания организаций, но не приняты в качестве показателей результативности проекта.

Модель «четыре уровня заботы». Второй результат – содержательное ядро, к которому сводимы все три проекта, несмотря на их самостоятельную разработку. Материнская поэзия действует одновременно на четырёх уровнях, и каждому из них соответствуют собственные формы работы и собственные продукты.

Эмоциональный уровень – чувство защищённости и доверия. Колыбельная исполняется в устойчивое время суток и в устойчивой последовательности действий: ребёнок узнаёт песню и по ней узнаёт, что будет дальше. Т. Р. Бергесон и С. Э. Трехаб показали, что матери воспроизводят песни для ребёнка с необычно стабильными высотой и темпом [18]; Л. К. Чирелли и С. Э. Трехаб – что знакомая песня снижает дистресс младенца [19]. Ритуальность, интуитивно воспроизводимая матерью, оказывается не бытовой случайностью, а действующим свойством практики.

Когнитивный уровень – речь, память, воображение. Освоение родного языка совершается не заучиванием отдельных слов, а постепенным овладением звуковой системой, слоговой структурой и грамматическими формами, для чего необходим достаточный объём обращённой к ребёнку звучащей речи в формах, доступных для выделения и повторения [16]. Материнская поэзия исторически была основным носителем таких форм: устойчивый мелодико-интонационный контур, ритм, соотнесённый с внешним движением, повтор звуков и синтаксических конструкций, концевые созвучия, ограниченный словарь ближайшего окружения ребёнка, звукоподражание [1; 11]. А. Фернальд показала, что интонационный контур обращённой к младенцу речи сам несёт коммуникативное значение [20], а Л. Дж. Трейнор – что адресованное ребёнку исполнение предпочитается им неадресованному [23].

Тактильный уровень – пестование и телесный контакт. Тексты пестования не существуют отдельно от движения: они произносятся при разведении рук, похлопывании, покачивании, поглаживании и без движения во многих случаях теряют смысл. Уровень наиболее уязвим для утраты, поскольку требует не знания текста, а телесной привычки, воспроизводимой только по показу.

Пространственный уровень – безопасная и предсказуемая среда вечернего укладывания: место, время, приглушённый свет, отсутствие постороннего звука. Он

наименее очевиден для родителя и наиболее доступен для практической помощи, поскольку речь идёт о простых и выполнимых изменениях домашнего обихода.

Модель превращает расплывчатую задачу «приобщать семьи к традиции» в четыре различимых направления, каждое из которых поддаётся планированию и проверке. Соотнесение продуктов трёх сургутских проектов с уровнями модели приведено в таблице 1.

Таблица 1

Соотнесение продуктов проектов дошкольных образовательных организаций города Сургута с уровнями модели «четыре уровня заботы»

Уровень модели	Продукты и формы	Организация
Эмоциональный	аудиотека живых колыбельных «Голос мамы»; марафон «Колыбельная моей мамы»; карточки-подсказки «Узелок на память» для подбора текста по эмоциональному состоянию ребёнка	№ 31 «Снегирёк» [12]; № 45 «Волчок» [14]; № 40 «Снегурочка» [13]
Когнитивный	«Книжки-малышки нашей семьи» с колыбельными народов России; интерактивная карта «Колыбельная Россия»; книга «Копилка семейных сокровищ»	№ 45 «Волчок» [14]; № 31 «Снегирёк» [12]; № 40 «Снегурочка» [13]
Тактильный	тактильный оберег «Ладошки Югры» (парные варежки для вечернего ритуала); мастер-классы по практике пения; флешмоб как игровая форма тактильного контакта	№ 31 «Снегирёк» [12]; № 40 «Снегурочка» [13]
Пространственный	набор семейной безопасности «Пестунья»; уголки колыбельных «Островки нежности» в возрастных	№ 31 «Снегирёк» [12]; № 45 «Волчок» [14]

Уровень модели	Продукты и формы	Организация
	группах; родительский лекторий по вопросам безопасности	

Источник – составлено автором.

Таблица 1 показывает, что ведущие уровни у трёх организаций различны: детский сад № 31 «Снегирёк» наиболее полно проработал тактильный и пространственный уровни, детский сад № 45 «Волчок» – эмоциональный и пространственный, детский сад № 40 «Снегурочка» – эмоциональный и когнитивный вместе с методической надстройкой. Различие это не является недостатком: оно отражает самостоятельность разработки и создаёт основу для обмена опытом между организациями.

Организационные итоги первого этапа. Третий результат – реконструированная по документам конструкция первого этапа, включающая шесть составляющих.

Оформленная проектная база: каждая организация разработала паспорт проекта и план мероприятий, в двух случаях именуемый дорожной картой [12; 13; 14]. Паспорт фиксирует цель, задачи, целевую группу, партнёров, срок реализации и ожидаемые результаты, переводя замысел из намерения в обязательство; единообразие структуры, восходящее к окружной рамке [15], делает три опыта сопоставимыми.

Разделение уровней ответственности: Департамент образования Администрации города Сургута принял на себя координацию участия организаций в окружном проекте, методическую поддержку, содействие в установлении партнёрских связей и обобщение муниципального опыта; дошкольные организации – разработку документов, проведение мероприятий, изготовление продуктов и взаимодействие с партнёрами. Муниципальный уровень не выдаёт количественных заданий: все три паспорта предусматривают корректировку периодичности мероприятий и охвата участников с учётом пожеланий семей [12; 13; 14].

Собственные продукты, остающиеся после встречи (таблица 1). Предмет, книга, уголок, запись и карточка сохраняются в семье и тем самым снимают главную проблему просветительской работы – её бесследность.

Отобранные рабочие формы: вечерняя гостиная как камерная форма, соответствующая предмету по тону; марафон как короткий цикл с публичным финалом; мастер-класс по пению как средство снятия затруднения, обозначенного в паспорте прямо – «я не умею петь» [12]; родительский лекторий; флешмоб; онлайн-конкурс и онлайн-акция как способ участия семей, не приходящих на очные встречи; выставка семейных работ.

Партнёрская сеть: три проекта связаны с организациями высшего и профессионального образования, общего и дополнительного образования, культуры, молодёжной политики, а также с религиозной организацией [12; 13; 14]. Отдельного внимания заслуживает выход в систему здравоохранения: два проекта из трёх обратились к городским поликлиникам и женским консультациям [12; 13]. Решение содержательно точно: материнская поэзия обращена прежде всего к первому году жизни ребёнка, тогда как дошкольная организация вступает в контакт с семьёй позднее, и площадки медицинских организаций смещают точку контакта к периоду, когда родительские привычки только складываются.

Работа с педагогическими работниками в трёх формах: семинары-тренинги, мастер-классы по практике пения и вебинары в рамках направления «Методическая школа» [13]; курсы повышения квалификации по вокально-хоровой методике совместно с колледжем русской культуры [12]; подготовка собственных методических материалов [13; 14].

Первый этап оставил и незавершённые задачи, фиксация которых не менее важна перечисления достигнутого. Единая муниципальная система учёта результатов не создана: каждая организация ведёт собственные записи, сопоставимость сведений не обеспечена. Глубина проработки уровней модели в трёх организациях различна. Не определён порядок методического сопровождения организаций, которые присоединятся к проекту на следующем этапе.

Система показателей результативности. Четвёртый результат – предлагаемая система учёта, построенная на двух ограничениях. Первое: показатели не должны исчерпываться количеством мероприятий, иначе проект начнёт воспроизводить мероприятия ради отчёта. Второе: система учёта не должна превращаться в

обследование семьи, поскольку родители обладают преимущественным правом на воспитание своих детей, а вмешательство в эту сферу под видом измерения результата недопустимо.

Показатели разделены на три группы. Показатели охвата (число организаций-участниц, мероприятий по формам, семей и воспитанников, обученных педагогических работников) описывают масштаб работы, но не результат, и фиксируются в абсолютных величинах. Показатели закрепления практики в семье наиболее важны содержательно и наиболее уязвимы методически: прямое наблюдение за домашней жизнью исключено, и единственным источником сведений остаётся добровольное сообщение самой семьи; доля рассчитывается только от числа семей, заполнивших форму обратной связи, и основание расчёта указывается при каждом представлении сведений. Показатели продукта фиксируют то, что физически остаётся после работы, поддаются прямой проверке и не зависят от самооценки участников. Состав показателей приведён в таблице 2.

Таблица 2

Показатели результативности проекта

«Материнская поэзия» на муниципальном уровне

Группа	Показатель	Источник данных	Периодичность	Целевое значение по паспортам
Охват	проведённые мероприятия с разделением по формам	план и журнал мероприятий организации	квартал	не менее 4 встреч с родителями ежегодно [12]
Охват	семьи – участники мероприятий	лист регистрации участников	по каждому мероприятию	охват участников одного мероприятия до 30 человек [12]
Охват	педагогические работники, прошедшие обучение по теме проекта	списки участников, документы о повышении квалификации	полугодие	–

Группа	Показатель	Источник данных	Периодичность	Целевое значение по паспортам
Закрепление	семьи, сообщившие о более частом использовании колыбельных и тактильного контакта в вечернем ритуале	добровольная форма обратной связи семьи	полугодие	не менее 70 % семей-участников [12]
Закрепление	семьи, использующие переданный продукт в ежевечернем ритуале	добровольная форма обратной связи семьи	год	не менее 30 семей [12]
Продукт	наборы и обереги, переданные семьям	журнал выдачи продуктов проекта	год	не менее 30 молодых семей по каждому набору [12]
Продукт	уголки колыбельных, оформленные в возрастных группах	акт готовности предметно-пространственной среды	год	во всех возрастных группах организации [14]
Продукт	семейные записи, книжки-малышки и иные семейные работы, переданные в фонд проекта	журнал поступления материалов, паспорт записи	квартал	–

Источник – составлено автором.

Примечание к таблице 2: приведены только те целевые значения, которые прямо названы в паспортах проектов, с указанием установившей их организации; фактические значения за 2026 год не приводятся, поскольку на момент подготовки статьи не обобщены.

Система сопровождается тремя оговорками, имеющими принципиальный характер. Отказ семьи заполнить форму обратной связи не влечёт последствий и не фиксируется как отрицательный результат. Ни одна из форм учёта не является диагностической: проект не применяет тестовых методик и не оценивает родительскую компетентность, а сбор сведений, выходящих за предмет проекта, – о составе семьи, материальном положении, состоянии здоровья ребёнка – не допускается. Наконец, ни один показатель не характеризует ребёнка: показатели описывают деятельность организации и добровольно сообщённые семьёй сведения об укладе, но не свойства и развитие воспитанника.

Обсуждение результатов. Полученные результаты позволяют обсудить три вопроса: что именно делает систему образования уместным субъектом поддержки домашней практики, каковы типичные риски таких проектов и в чём состоит их вклад в задачу сохранения единства народов России.

Первый вопрос требует ответа, поскольку домашний уклад семьи не относится к предмету ведения образовательной организации, и всякое движение в эту сторону нуждается в обосновании. Ответ, вытекающий из проанализированного опыта, состоит в различении двух позиций. Организация не предписывает семье, как ей укладывать ребёнка, не оценивает качество домашнего воспитания и не собирает сведений о семье; она устраняет конкретное затруднение, о котором родители сообщают сами, – незнание репертуара и отсутствие телесной привычки пестования, – предоставляя материал, показ и предмет. Различие между предписанием и устранением затруднения не является риторическим: оно определяет и формы работы, и систему учёта. Именно поэтому в предложенной системе показателей отсутствуют величины, характеризующие ребёнка или семью, и присутствуют величины, характеризующие действия организации и добровольно сообщённые сведения об изменении уклада.

Второй вопрос – риски. Анализ документации позволяет назвать четыре, каждый из которых наблюдаем и предотвратим. Риск формализации: проект сводится к отчётным мероприятиям, тексты исполняются на сцене, а домашняя практика остаётся незатронутой; защитой служит требование продукта, остающегося в семье, и показатели третьей группы. Риск преувеличения: колыбельной приписываются

лечебные свойства, после чего проект теряет защищаемость в экспертном обсуждении; защитой служит зафиксированная граница корректных утверждений. Риск обследования: форма обратной связи постепенно расширяется до сбора сведений о семье, и просветительская работа смешивается с выявлением семейного неблагополучия; защитой служит закрытый перечень собираемых сведений и добровольность их предоставления. Риск возрастного смещения: работа адресуется старшим дошкольникам, для которых репертуар пестования уже неактуален, тогда как его подлинный адресат – первый и второй годы жизни; защитой служат партнёрские площадки в системе здравоохранения, обнаруженные в двух проектах из трёх.

Третий вопрос – вклад в задачу сохранения единства. Материнская поэзия обладает свойством, редким для материала, на котором строится разговор о культурном многообразии: она не требует сопоставления и не порождает сравнения по достоинству. Колыбельная любой из культур, представленных в городе, выполняет одну и ту же работу и устроена сходным образом, что подтверждается и межкультурными исследованиями песен, сопровождающих уход за ребёнком [21], и описаниями национальных жанровых систем, в которых колыбельная открывает детский репертуар [2]. Интерактивная карта «Колыбельная Россия», на которой семьи размещают собственные записи с обозначением национальных корней [12], и «Книжки-малышки нашей семьи» с колыбельными народов России [14] реализуют эту возможность буквально: единство предъявляется не как тезис, а как обнаруживаемое сходство при очевидном различии языков. Для дошкольного возраста, в котором отвлечённые понятия недоступны, а материал воспринимается непосредственно, это едва ли не единственный содержательно честный способ поставить вопрос о многонациональности.

Ограничения полученных выводов следует назвать прямо. Выводы относятся к организационно-педагогической конструкции, воспроизводимой в другом муниципалитете, но не к её результативности: последняя может быть оценена только после накопления данных по предложенной системе показателей за полный цикл реализации, то есть не ранее завершения проектов в 2028 году. Три организации – недостаточное основание для обобщений о муниципальной системе в целом. Наконец,

качественный характер исследования исключает суждения о причинных связях между участием семьи в проекте и изменением её домашнего уклада; такое суждение потребовало бы иного дизайна, включающего добровольное лонгитюдное наблюдение с согласия семей.

Заключение. Материнская поэзия представляет собой канал межпоколенческой передачи культуры, действующий раньше любых институциональных форм воспитания и потому наиболее уязвимый при изменении бытового уклада. Его поддержка – посильная и содержательно оправданная задача муниципальной системы дошкольного образования при условии, что организация устраняет конкретное затруднение семьи, а не предписывает ей домашний порядок.

Опыт первого этапа реализации проекта «Материнская поэзия» в городе Сургуте показал, что такая поддержка приобретает работающую форму при соблюдении четырёх условий: содержательное ядро задаётся моделью, различающей эмоциональный, когнитивный, тактильный и пространственный уровни; каждое мероприятие оставляет в семье предмет, книгу, запись или карточку; формулировки ожидаемых результатов удерживаются в педагогическом и культурологическом измерении; система учёта фиксирует действия организации и добровольно сообщённые сведения, но не характеризует ребёнка и не обследует семью.

Дальнейшая работа предполагает введение единой муниципальной системы учёта по предложенным показателям, выравнивание глубины проработки уровней модели между организациями и определение порядка методического сопровождения организаций, присоединяющихся к проекту.

Литература и информационные источники

1. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Учпедгиз, 1957. 240 с.
   Anikin V.P. (1957). *Russkie narodnye poslovitsy, pogovorki, zagadki i detskii fol'klor* [Russian folk proverbs, sayings, riddles and children's folklore]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 240 p. (In Russ.)
2. Басангова Т.Г. Детский фольклор калмыков (жанровая система) // Монголоведение. 2017. Т. 9. № 1. С. 38–48. https://doi.org/10.22162/2500-1523-2017-10-38-48
   Basangova T.G. (2017). Children's folklore of the Kalmyks (genre system). *Mongolovedenie = Mongolian Studies*, vol. 9, no. 1, pp. 38-48. (In Russ.) https://doi.org/10.22162/2500-1523-2017-10-38-48
3. Волков Г.Н. Этнопедагогика: учебник для студентов средних и высших педагогических учебных заведений. М.: Академия, 1999. 168 с.

Volkov G.N. (1999). *Etnopedagogika: uchebnik dlya studentov srednikh i vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedenii* [Ethnopedagogy: a textbook for students of secondary and higher pedagogical educational institutions]. Moscow, Akademiya Publ., 168 p. (In Russ.)

4. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. СПб.: Союз, 1997. 224 с.
   Vygotskii L.S. (1997). *Voprosy detskoi psikhologii* [Issues of child psychology]. Saint Petersburg, Soyuz Publ., 224 p. (In Russ.)
5. Головин В.В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Åbo: Åbo Akademi University Press, 2000. 451 с.
   Golovin V.V. (2000). *Russkaya kolybel'naya pesnya v fol'klore i literature* [Russian lullaby in folklore and literature]. Åbo, Åbo Akademi University Press, 451 p. (In Russ.)
6. Запорожец А.В. Избранные психологические труды: в 2 т. Т. 1. Психическое развитие ребёнка. М.: Педагогика, 1986. 320 с.
   Zaporozhets A.V. (1986). *Izbrannye psikhologicheskie trudy: v 2 t. T. 1. Psikhicheskoe razvitie rebenka* [Selected psychological works: in 2 vols. Vol. 1. Mental development of the child]. Moscow, Pedagogika Publ., 320 p. (In Russ.)
7. Капица О.И. Детский фольклор: песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Л.: Прибой, 1928. 222 с.
   Kapitsa O.I. (1928). *Detskii fol'klor: pesni, poteshki, draznilki, skazki, igry* [Children's folklore: songs, nursery rhymes, teasing rhymes, fairy tales, games]. Leningrad, Priboi Publ., 222 p. (In Russ.)
8. Кожевникова В.В. «Материнская поэзия»: итоги первого этапа реализации проекта в образовательных организациях города Сургута: методическое пособие. Сургут: Департамент образования Администрации города Сургута, 2026. 181 с.
   Kozhevnikova V.V. (2026). *«Materinskaya poeziya»: itogi pervogo etapa realizatsii proekta v obrazovatel'nykh organizatsiyakh goroda Surguta: metodicheskoe posobie* ["Mother's poetry": results of the first stage of the project implementation in educational organizations of the city of Surgut: a methodological guide]. Surgut, Department of Education of the Administration of the City of Surgut, 181 p. (In Russ.)
9. Куприянова С.О. Практика убаюкивания в современной городской культуре: материнский фольклор и потребности ребёнка // Сервис plus. 2017. Т. 11. № 3. С. 94–99. https://doi.org/10.22412/1993-7768-11-3-11
   Kupriyanova S.O. (2017). The practice of lulling in modern urban culture: maternal folklore and the child's needs. *Servis plus = Service Plus*, vol. 11, no. 3, pp. 94-99. (In Russ.) https://doi.org/10.22412/1993-7768-11-3-11
10. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. М.: Педагогика, 1986. 144 с.
    Lisina M.I. (1986). *Problemy ontogeneza obshcheniya* [Problems of the ontogenesis of communication]. Moscow, Pedagogika Publ., 144 p. (In Russ.)
11. Мельников М.Н. Русский детский фольклор: учебное пособие для студентов педагогических институтов. М.: Просвещение, 1987. 237 с.
    Mel'nikov M.N. (1987). *Russkii detskii fol'klor: uchebnoe posobie dlya studentov pedagogicheskikh institutov* [Russian children's folklore: a textbook for students of pedagogical institutes]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 237 p. (In Russ.)
12. Паспорт проекта и план мероприятий МБДОУ детского сада № 31 «Снегирёк» «Материнская поэзия. Лирика материнства». Сургут, 2026.
    Passport of the project and action plan of MBDOU kindergarten No. 31 "Snegirek" "Mother's poetry. Lyrics of motherhood". (In Russ.) Surgut, 2026.
13. Паспорт проекта и план мероприятий МБДОУ детского сада № 40 «Снегурочка» «Материнская поэзия. От сердца к сердцу». Сургут, 2026.
    Passport of the project and action plan of MBDOU kindergarten No. 40 "Snegurochka" "Mother's poetry. From heart to heart". (In Russ.) Surgut, 2026.
14. Паспорт проекта и план мероприятий МБДОУ детского сада № 45 «Волчок» «Материнская поэзия. Колыбельная моей мамы». Сургут, 2026.
    Passport of the project and action plan of MBDOU kindergarten No. 45 "Volchok" "Mother's poetry. My mother's lullaby". (In Russ.) Surgut, 2026.

15. Паспорт проекта Уполномоченного по правам ребёнка в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре «Материнская поэзия»: утв. распоряжением Уполномоченного по правам ребёнка в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре от 25.06.2026 № 01.14-р-5. Ханты-Мансийск, 2026.
Passport of the project of the Commissioner for Children's Rights in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra "Mother's poetry": approved by the order of the Commissioner for Children's Rights in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra of 25.06.2026 No. 01.14-r-5. (In Russ.) Khanty-Mansiysk, 2026.
16. Ушакова О.С. Развитие речи дошкольников. М.: Изд-во Института психотерапии, 2001. 240 с.
Ushakova O.S. (2001). *Razvitie rechi doshkol'nikov* [Speech development of preschoolers]. Moscow, Publishing House of the Institute of Psychotherapy, 240 p. (In Russ.)
17. Эльконин Д.Б. Психология игры. М.: Педагогика, 1978. 304 с.
El'konin D.B. (1978). *Psikhologiya igry* [Psychology of play]. Moscow, Pedagogika Publ., 304 p. (In Russ.)
18. Bergeson T.R., Trehub S.E. (2002). Absolute pitch and tempo in mothers' songs to infants. *Psychological Science*, vol. 13, no. 1, pp. 72-75. https://doi.org/10.1111/1467-9280.00413
19. Cirelli L.K., Trehub S.E. (2020). Familiar songs reduce infant distress. *Developmental Psychology*, vol. 56, no. 5, pp. 861-868. https://doi.org/10.1037/dev0000917
20. Fernald A. (1989). Intonation and communicative intent in mothers' speech to infants: Is the melody the message? *Child Development*, vol. 60, no. 6, pp. 1497-1510. https://doi.org/10.2307/1130938
21. Mehr S.A., Singh M., Knox D. et al. (2019). Universality and diversity in human song. *Science*, vol. 366, no. 6468, eaax0868. https://doi.org/10.1126/science.aax0868
22. Persico G., Antolini L., Vergani P., Costantini W., Nardi M.T., Bellotti L. (2017). Maternal singing of lullabies during pregnancy and after birth: Effects on mother–infant bonding and on newborns' behaviour. Concurrent Cohort Study. *Women and Birth*, vol. 30, no. 4, pp. e214-e220. https://doi.org/10.1016/j.wombi.2017.01.007
23. Trainor L.J. (1996). Infant preferences for infant-directed versus noninfant-directed playsongs and lullabies. *Infant Behavior and Development*, vol. 19, no. 1, pp. 83-92. https://doi.org/10.1016/S0163-6383(96)90046-6
24. Trehub S.E. (2003). The developmental origins of musicality. *Nature Neuroscience*, vol. 6, no. 7, pp. 669-673. https://doi.org/10.1038/nn1084

GRNTI 14.23.09+14.39.00+17.71.00
UDC 373.2+398.831
VAK 5.8.2.

Kozhevnikova Viktoriya V.
Candidate of Pedagogical Sciences, General Associate Professor of the Department of Family and Childhood Psychology at the L. S. Vygotsky Institute of Psychology at the Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia
E-mail: viktoriyavkozhevnikova@gmail.com

Doshchanova Veta A.
Deputy Director, Municipal Public Institution "Administration of Preschool Educational Organizations", Department of Education of the Administration of the City of Surgut
Surgut, Russia

MATERNAL POETRY AS A RESOURCE OF INTERGENERATIONAL CONTINUITY IN PRESCHOOL EDUCATION: THE FIRST STAGE OF THE PROJECT IN THE CITY OF SURGUT

Abstract. The paper examines maternal poetry – the lullaby, the nursery rhyme accompanying physical care, the finger-play rhyme, the humorous jingle and the tale for the youngest – as the substantive foundation of the

work of a preschool educational organization with families raising children of an early age. It is shown that the transmission of maternal folklore, which for centuries occurred within the family from the older generation to the younger one, has lost its automatic character under present-day conditions and requires organizational support from the education system. Drawing on the project documentation of three preschool educational organizations of the city of Surgut that joined the regional project "Maternal Poetry" in 2026, the authors describe the "four levels of care" model (emotional, cognitive, tactile and spatial), reconstruct the organizational outcomes of the first stage, and propose a system of performance indicators built on the principles of voluntary family participation and the inadmissibility of any diagnostic assessment of the child. The boundaries of scientifically correct claims about maternal poetry and the typical risks of formalizing such projects are outlined.

Keywords: maternal poetry, lullaby, intergenerational continuity, preschool education, cooperation with the family, ethnopedagogy, early childhood.